

Автобус подошёл как по заказу и оказался полупустым, так что можно было сесть и спокойно ехать до самого института. Но уже после первой остановки стало ясно, что спокойно ехать не получится, потому что водитель, похоже, решил собрать всех потенциальных пассажиров и вёл машину, что называется, на первой скорости. Анастасия Дмитриевна нетерпеливо посматривала на часы, не опоздать бы.

До заседания кафедры оставалось пять минут, когда она остановилась в ожидании лифта.

– Здравствуйте, Анастасия Дмитриевна!

– Доброе утро, – машинально поприветствовала она лаборантку Дашу, следя за цифрами на табло. К счастью, лифт опускался.

Они зашли в пустую кабину.

– Вам на пятый? – Указательный пальчик Даши с аккуратным перламутровым ноготком замер на кнопке.

– На пятый.

Анастасия Дмитриевна взглянула в зеркало проверить, не потекла ли тушь и... оцепенела. На Даше была шикарная норковая шуба цвета бордо. Женщина повернулась, избегая Дашиного взгляда, чтобы не выдать смущения, потому как сама-то она, кандидат наук, доцент, была в скромном зимнем пальто, купленном со скидкой пару лет назад. Чувство неловкости, охватившее Анастасию Дмитриевну, однако, быстро сменилось

непривязно к Даше, хотя раньше она в какой-то мере даже покровительствовала девушке, думая о ней как об образце скромности. Анастасия Дмитриевна едва сдержала себя, чтобы не поинтересоваться: «И когда это вы, голубушка, успели на такую шубку денег заработать?».

Ясно, как белая ночь, что купили Даше обновку богатенькие родители или крутой бойфренд, который, возможно, годится Дашеньке в отцы.

Во время заседания кафедры мысли Анастасии Дмитриевны были заняты Дашиной шубой. Когда коллеги стали расходиться, женщина заметила, что и новая преподавательница, вчерашняя студентка, тоже в норковом полушубке, пусть и не таком дорогом, как у Даши. И хотя у остальных сотрудниц были далеко не богатые наряды, вопрос о стоимости шубы лаборантки не давал Анастасии Дмитриевне покоя до такой степени, что на обратном пути она зашла в меховой салон. Покупателей в магазине не было, и всё внимание молоденькой, но бойкой продавщицы или, как их сейчас принято называть, менеджера (Анастасия Дмитриевна не терпела употребления без надобности иностранных слов) было приковано к Анастасии Дмитриевне.

– Вам помочь? Что вас интересует? – спросила она участливо. – Вы себе что-нибудь хотите посмотреть? Какой у вас размер?

– Сорок шесть – сорок восемь.

– Тогда, пожалуйста, сюда. Есть новиночки, вот здесь, посмотрите.

Из всех шуб, висящих на стойке, женщина выделила одну – дымчатую. Её привлёк именно цвет, который пошёл бы к её светло-голубым глазам и к тому же у нее была норковая шапка схожего оттенка. Анастасия Дмитриевна невольно погладила мягкий мех рукава и хотела посмотреть цену, но продавец, не давая ей опомниться, сняла шубу с плечиков:

– Примерим? Вам будет хорошо. Такой классический фасончик. Пожалуйста, к зеркалу.

Не раздумывая, Анастасия Дмитриевна, сняла своё убогое пальтишко, и облачилась в шубку, лёгкую как пёрышко. Она вообще впервые в жизни надела норковую шубу.

– Ну как? – продавец, на лице которой было неподдельное восхищение, смотрела с Анастасией Дмитриевной в зеркало. – Как раз по фигуре. И рост, и полнота – всё ваше. А цвет? Вам очень идёт. Если ещё сапожки на каблучке, то будет исключительно, – не умолкала девушка.

Анастасия Дмитриевна и сама залюбовалась отражением в зеркале. Оказывается, она ещё очень даже ничего в свои почти сорок пять. Впрочем, шубка, конечно, молодит, а в пальто она старуха старухой.

Не желая расставаться со своим привлекательным образом, который она видела в зеркале и в глазах продавца, Анастасия Дмитриевна, как маленькая девочка, которой купили новое платье или вплели в косы необыкновенный бант, поворачивалась перед зеркалом, улыбаясь и поблёскивая озорными глазами: «Вот удивится Георгий, если я предстану перед ним в такой шикарной обновке».

Наконец, она решила посмотреть ценник – сто пятьдесят тысяч! «Ничего себе!» – чуть не сказала вслух. Думала, тысяч восемьдесят, а выходит в два раза дороже.

Девушка, опытным взглядом увидев её замешательство, заверила:

– Шуба качественная, итальянская, известной фирмы. Посмотрите вот шов здесь, вот здесь. Подделка невозможна. После этой шубы вы уже другую не захотите. Можно оформить в кредит, если у вас городская прописка. Нужен только паспорт.

– Что, без всяких справок?

– Конечно. Вносите тридцать процентов от стоимости, остальные в течение года.

– Я подумаю. Спасибо, – поблагодарила Анастасия Дмитриевна, с плохо скрываемым сожалением одевая своё выглядевшее теперь ещё более нелепым пальто.

В общем-то, у неё была ещё вполне приличная мутоновая шуба, но за последний год Анастасия Дмитриевна похудела на два размера и теперь шуба болталась на ней, как на вешалке, а после примеренной только что норковой казалась тяжёлой, мешковатой и бедненькой.

Пока шла домой, всё размышляла: как же так получилось, что у неё и на то, чтобы в кредит вещь купить, денег нет, а у Даши нашлись? И у начинающей преподавательницы тоже.

Конечно, можно было бы своими вопросами поделиться с мужем, но Георгий будет винить себя за то, что не имеет возможности делать дорогие подарки, к тому же именно он убедил её потратить деньги на спальный гарнитур.

Все началось с того, что они поменяли окно в спальне на современное, европейское. Удобно мыть, растыкать-затыкать не нужно, к тому же легко и комнату проветрить, и звукоизоляция хорошая.

Но возникла проблема: на фоне нового окна прежний, когда-то очень современный импортный гарнитур смотрелся как инородное тело.

– Надо купить новую спальню, а эту мебель на дачу, – предложил муж.

Анастасия Дмитриевна вначале была против. Приобретение другой мебели, перестановка казались ей совершенно ненужными хлопотами и тратами, да и денег у них лишних не было.

Муж Анастасии Дмитриевны жил по принципу «сегодня и сейчас». «Зачем откладывать на завтра то, что можно израсходовать сегодня?» – нередко вопрошал он с самым серьёзным видом. В отличие от него Анастасия Дмитриевна на всю жизнь запомнила то время, когда, будучи студенткой, а потом аспиранткой, перебивалась от стипендии до стипендии. Она считала, что обязательно должна быть сумма на чёрный день, мало ли что может случиться? Но под напором дочери, второкурсницы, приехавшей на каникулы, в конце концов сдалась.

– Как у вас тут всё запущено, однако, – заключила дочь, оценив положительно вставленное окно. – Мебель эта – уже полный отстой, – поддержала она отца.

Анастасия Дмитриевна согласилась, надеясь, что спальный гарнитур они выберут подешевле. Но не тут-то было. Георгий остановил

свой выбор на самом дорогом, который оказался в магазине, остальные подвергая сокрушительной критике. Дочь преданно кивала головой, выражая полную солидарность с отцом, как будто сама, а не родители, собиралась оплачивать покупку.

К новому гарнитуру пришлось приобрести и другие шторы, и светильники, и покрывало на кровать. Так что получился явный перерасход средств, хоть в долги залезай.

* * *

К приходу мужа Анастасия Дмитриевна уже не так переживала по поводу случившегося и только после ужина вскользь заметила Георгию, читавшему газету, как оказалась в неловком положении: «Ехала в лифте с Дашей, она – в норковой шубе, а я – в пальто».

– А? Что? – на мгновение муж оторвал глаза от очередной статьи. – Шуба? Так ты тоже себе купи.

«На что?» – хотелось спросить ей супруга, но промолчала.

Расстилая постель, Анастасия Дмитриевна оглядела спальню: хорошо, уютно, можно сказать, солидно. Сразу чувствуется достаток. Но с другой стороны, со старой мебелью вполне можно было ещё жить да жить. Кто к нам ходит? Кто видит? Сейчас бы купила шубу, а так...

Но, с комфортом устроившись на широкой кровати, вспомнив прежний продавленный диван, подумала: «Нет, правильно сделали, что купили спальню. Сколько времени мы во сне проводим? Значит, будем отдыхать как положено».

* * *

Вроде решила Анастасия Дмитриевна перед сном, что необходимости шубу покупать нет, а села завтракать, радио включила, а там реклама – меховые изделия со скидкой предлагают, и снова задумалась. Встала перед глазами сначала Дашина шубка, потом та, что в салоне мерила, вспомнились слова мужа: «А ты тоже себе купи». Скорее всего, ответил, не вникнув в то, о чём шла речь, но разрешение получено и значит можно действовать. Воодушевлённая, Анастасия Дмитриевна немедленно приступила к осуществлению намеченной цели.

Первым делом она позвонила знакомой методистке, которая предлагала подработку: обучать русскому языку и культуре речи будущих управленцев. Оказалось, часы ещё свободны,

оплата хорошая, так что осталось только согласовать расписание и заключить договор.

После Анастасия Дмитриевна связалась со своей бывшей однокурсницей, учительницей, и та пообещала пристроить её в качестве репетитора. Репетиторством Анастасия Дмитриевна давно не занималась. «Ничего, – успокаивала она себя, – как-нибудь справимся». Сразу оговорила условия, что к ученикам будет приходиться в первое время сама, так что желательно, чтобы они жили недалеко от неё. Конечно, удобнее было бы принимать их у себя, чтобы не таскаться с учебниками и пособиями, но не к чему ставить в известность мужа о своей дополнительной нагрузке.

Вообще Георгий обычно был рад, когда она себе покупала что-нибудь новенькое. Случается, иные супруги ворчат, что жена деньги транжирит, а он – никогда. И сколько знала Анастасия Дмитриевна мужа, он всегда был щедрым, всем старался помочь: племянникам, младшему брату, сослуживцам. Часто давал в долг небольшие суммы и тут же забывал о них. Иногда, случалось, его щедрость грозила обернуться расточительностью, и тут уже Анастасия Дмитриевна была на страже, увещевала мужа. «Тебя не останови, всё раздашь, – говорила она ему, – если бы не я, то остался бы в одних трусах и носках». Но стоит заметить, что Георгий спокойно относился только к мелким расходам, к крупным же подходил серьёзно. Прежде чем приобрести дорогую вещь, тщательно её осматривал, анализировал с точки зрения качества, цены и, главное, практичности. «Я не такой богатый, чтобы покупать дешёвые вещи», – любил повторять он. И это относилось ко всему: мебели, машине, даче, путёвкам на курорт. Такой же подход он старался воспитать и в детях. Вот почему Анастасию Дмитриевну так обрадовало лёгкое согласие мужа на покупку шубы. Или он о цене имеет слабое представление, что сомнительно, или просто был занят чтением. Ведь с точки зрения практичности Георгий при желании разнёс бы норковую шубу в пух и в прах. «Зачем она тебе? – спросил бы спокойно, с интересом и сам бы себе и ответил: – Для красоты. А для красоты, извини, цена не тянет. На такие деньги можно в отпуск съездить».

– Да, для красоты, – подтвердила бы Анастасия Дмитриевна.

– Ты и так красивая, – успокоил бы он и её, и разговор будет окончен.

Конечно, нить или качать права она не умеет. Можно было бы и без всякого согласия поступить, как хочется, не побьёт же он её и из дома не выгонит, но в их семье так было не принято. К слову сказать, Анастасия Дмитриевна была человеком экономным и покупки, тем более дорогие, для себя делала крайне редко, обычно мужу, детям и внуку или для дома.

Шуба, действительно, была нужна ей только для красоты, в качестве компенсации за ушедшую молодость. Она вспомнила, как встретили её в меховом салоне: «Женщина, что вас интересует?». А как надела шубу, сразу в девушку превратилась.

До рождения внука Анастасия Дмитриевна жила, не задумываясь о своём возрасте. Болячки к ней особо не приставали, выглядела она неплохо, по крайней мере, муж называл её не иначе, как «девочка моя», а сына с дочкой зачастую принимали за её брата и сестру. Но стоило родиться внуку, как домашние стали к ней обращаться не иначе как «бабушка», особенно муж с сыном, да и невестка, случалось, осмеливалась называть её так же.

– Какая я вам бабушка? – возмущалась она, – это я для Максимки бабушка, а не для вас.

Однако ни её возмущений, ни обид никто не замечал. Когда внук подрос, обращение «бабушка» сменилось на «бабу Настю».

– Баба Настя, к телефону! – звал Георгий.

– Слушай, ты уже совсем обнаглел, – пыталась урезонить она его, – скоро мне студенты прозвище дадут – Баба Настя.

– А что, нормально, – равнодушно парировал муж. – Я лично на дедушку не обижаюсь.

«Конечно, – думала Анастасия Дмитриевна, – чего тебе обижаться, как-никак шестой десяток разменял, и голова седая, с залысинами, а мне-то сорок два только».

Но особенно досаждал Анастасию Дмитриевну младший брат мужа Валерий.

– Баба Настя, баба Настя, – как-то раз начал дразнить он её.

– Прекрати, – попросила она, – какая я тебе баба?

– Как какая? Ты же бабушка? Или не бабушка? – подтрунивал он.

– Жена дедушки, – огрызнулась Анастасия Дмитриевна.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Валерий. – Что, не нравится? Значит, ощущаешь свой возраст, не ощущала бы, так не реагировала. Вот мне лично

всё равно: старик я, или мужчина, или молодой человек. Правильно говорю, Гоша? – обратился он к Георгию.

Тот в знак согласия кивнул головой.

– Да ну вас, – примирительно сказала Анастасия Дмитриевна, сделав вид, что ей всё равно, но обида в сердце осталась и на мужа, и на Валерия, тем более что тот был почти её ровесником, но недавно женился во второй раз на совсем молоденькой и теперь не упускал случая похвастаться женой и тем самым подчеркнуть, что он ещё «крепок и силён».

Наверное, своего рода компенсацией за «бабушку» и «бабу Настю» и стало мимолетное увлечение Анастасии Дмитриевны популярным телеведущим. В начале весны он пригласил её принять участие в передаче, посвящённой культуре речи. Они встретились за час до съёмки. Журналист был очень любезен и предупредителен, собственноручно припудрил ей лицо, чтобы не блестело перед камерой. Скорее всего, съёмки телепередачи были бы восприняты ею как обычное дело, она нередко принимала участие в различных дискуссиях и круглых столах, но после записи он предложил ей вместе сфотографироваться, а через неделю передал снимки через студентку.

– Слушай, вы так великолепно смотрите! – восхитилась приятельница, которая видела передачу. – Такое взаимопонимание...

– Конечно, – усомнилась Анастасия Дмитриевна, – если учесть, что он моложе меня лет на десять.

– Ну и что? – не сдавалась приятельница. – Ты же выглядишь моложе, а он постарше. Слушай, – призналась одинокая женщина, – я бы с таким мужчиной обязательно завела роман. Эх, где мои семнадцать лет? – она с сожалением хлопала себя по расплывшейся фигуре.

Возможно, слова приятельницы вылетели бы из памяти, но спустя несколько дней Анастасия Дмитриевна встретила телеведущего на премьере спектакля. Георгий не любил театр, и уговаривать его пойти была настоящая мука. Тележурналист, похоже, желал продолжить знакомство и легко устроил так, что их места оказались рядом. В перерыве он не отходил от Анастасии Дмитриевны, а после премьеры повёл на банкет, где познакомил с режиссёром и исполнителем главной роли.

Доставив Анастасию Дмитриевну до дома на своей машине, новоиспечённый поклонник про-

водил её до подъезда, галантно поцеловав на прощание руку. Женщине были приятны и его тонкое чувство юмора, и комплименты, которых она давно не слышала от мужчин. Она даже стала ждать его звонка, но когда звонок раздался, когда ей предложили в ближайшее воскресенье прокатиться на дачку «отведать шашлычок», она отказалась, сославшись на занятость. Больше приглашений не последовало, а они ей уже и были ни к чему. Она была довольна тем, что, как выяснилось, ещё способна взволновать чьё-то сердце. После этого случая она уже не реагировала так болезненно на язвительные выпады Валерия по поводу её возраста.

Первые три недели в новом трудовом режиме прошли без особых проблем. Анастасия Дмитриевна успевала везде и всюду, удивляясь тому, сколько, оказывается, энергии дремало в ней. Поначалу она беспокоилась, выдержат ли её голосовые связки подобную нагрузку, не потеряет ли она с непривычки голос, но всё обошлось.

Получив аванс, она вновь наведальась в торговый дом, в котором располагался меховой салон, и убедилась, что шубка пока на месте. Она не стала примерять её снова, но теперь, не торопясь, осмотрела, отметив и внутренний карман, и широкий воротник, и верхнюю большую перламутровую пуговицу, больше похожую на брошь, словом, те детали, на которые до этого не обратила внимания. «В середине декабря у меня наберётся нужная сумма, и если шубу не купят, то я возьму её в кредит, а если купят, то, – вздохнула она, – то другой мне не нужно, обойдусь. Как говорится, не судьба».

Хотя у Анастасии Дмитриевны не было привычки бесцельно прогуливаться по магазинам, но в этот раз она прошлась по соседним бутикам и в обувном присмотрела себе замшевые тёмно-серые сапожки на каблукке. Сапожки пришлись точно по ноге, мягкие, удобные, с оригинальной меховой отделкой сбоку. Каблук, конечно, немного высоковат, но к будущей шубке нужны именно такие сапожки, и она купила их, не раздумывая.

«Если бы я так же целеустремлённо занималась написанием докторской диссертации, как зарабатываю деньги на шубу, то уже давным-давно была бы доктором наук, – ловила себя на мысли Анастасия Дмитриевна. – Но что такое учёная степень? – возражала она воображаемо-

му оппоненту. – Диссертация можно написать и не защитить. Разве не правда? Правда. Или защитить, а тебя, хлоп, и не утвердят. Отчего? Оттого что требования к защите постоянно повышаются. Получается, что только одно условие выполнил, а тебе говорят: «А нет, дорогая, подай-ка сюда ещё вот то-то и то-то, доработай-ка ещё вот эту проблему и вот этот вопрос. А посмотри-ка, пожалуйста, как подходят к сему такой-то и такой-то». А учёная степень? Что она даёт? Конечно, повышение зарплаты и перспектива по должности, например, профессора. Но что внешне свидетельствует о том, что ты профессор или доктор, какие отличительные признаки? Офис? Служебная машина? Никаких. Значок об этом на лацкан и то не дают. Не будешь же всем говорить: «Я, товарищи, между прочим, доктор наук». А товарищи и разницы не ведают между кандидатом и доктором. А если качественная норковая шуба на женщине – то сразу ясно: недостаток, а главное – красота, а в моем случае ещё и молодость. И шуба – цель реальная. Заработал – купил. Не то что исследование на заданную тему, к тому же и тему могут поменять не один раз, а поменяли, значит, нужно заново разрабатывать план, доказывать актуальность. Нет, сначала шуба, диссертация подождёт. Не волк, в лес не убежит, а и убежит – жалеть не будем».

И всё-таки, несмотря на найденные аргументы, Анастасию Дмитриевну нет-нет да посещало чувство вины за незавершённую научную статью, предназначенную для межвузовского сборника, которая уже второй месяц ожидала своего часа в письменном столе. Ожидала, когда же автор выберется в библиотеку и уточнит некоторые данные по последним номерам периодической печати.

«Сроки ещё терпят, – успокаивала себя Анастасия Дмитриевна, – на следующей неделе закончу часы у управленцев, получу деньги, выкуплю шубу и займусь статьёй».

Соглашаясь на совместительство, Анастасия Дмитриевна учитывала только время, которое будет уходить у неё на занятия, и совсем не подумала об условиях предстоящей работы, а они оказались не самыми лучшими. Аудитория, в которой она проводила лекции для будущих управленцев, была, мягко говоря, не тёплой. По крайней мере, о том, чтобы переобуться в туфли, как на основной работе, можно было только мечтать. О том, чтобы присесть во время заня-

101

тия, не могло быть и речи. В отличие от студентов-филологов, студенты филолиала не считали русский язык важным предметом и потому позволяли себе если не шуметь, то время от времени отвлекаться то на разговоры друг с другом, то на сотовый телефон. Поэтому Анастасии Дмитриевне, привыкшей «преподавать», а не «читать» дисциплину, приходилось быть начеку, а значит, на ногах. В квартирах же подопечных, двух старшеклассниц, наоборот, было достаточно тепло. Но в отличие от своих учениц в домашней одежде, она была вынуждена пребывать не один час в «полной амуниции». К концу дня ноги, которые раньше не испытывали усталости, ныли так, что хотелось закинуть их повыше и так сидеть как можно дольше.

Необходимая сумма была давно собрана, а выбраться в меховой салон никак не удавалось. «Вот всегда так, – констатировала Анастасия Дмитриевна, – если есть свободное время, то нет денег, а если есть деньги, то нет свободного времени». Наконец, выпали выходные. Анастасия Дмитриевна решила с утра заняться делами по дому, а ближе к обеду сходить за шубой. Но уже в десять позвонили с кафедры и напомнили, что в четырнадцать презентация книги профессора Литвиновой. «Как же я совсем забыла про презентацию? – сокрушалась Анастасия Дмитриевна. – Если сейчас пойти в магазин, потом домой, то, пожалуй, опоздаю. Ладно, куплю после презентации, долго она идти не будет, час, от силы полтора. Конечно, не хочется с собой носить приличную сумму, но что поделаешь?»

Вопреки ожиданиям, презентация затянулась. Выступавшим хотелось поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о творчестве писателя, ушедшего из жизни несколько лет назад. Книга действительно была интересной и написана Литвиновой так, как будто она сама была лично знакома с человеком, творчеству которого было посвящено исследование. Анастасия Дмитриевна поздравила профессора ещё до презентации, и хотя радовалась успеху коллеги, больше всего беспокоилась о том, когда же закончится мероприятие. На каждого выступающего она смотрела с надеждой, что он будет последним, но за этим «последним», к сожалению, следовал следующий. Уйти незаметно не представлялось возможным: входные двери были у всех на виду, к тому же присутствующих

можно было пересчитать по пальцам. «Ясно, что сегодня уже никакой покупкой не получится. Во-первых, поздно. Тащиться с дорогой шубой по темноте опасно». Конечно, можно обнову надеть на себя, а старую шубу нести, но старая шуба такая тяжёлая, а новая не такая тёплая. К тому же и муж может застать её с покупкой, а это пока не входило в её планы. Она решила, что шубу спрячет в своём плательном шкафу, замаскирует баннным халатом, а покажет в старый Новый год, в своё сорокапятилетие. Обычно в этот день, независимо от того, был ли он выходным или нет, приходили сын с невесткой и внуком и Валера, теперь с молодой супругой. Конечно, Валера воспользуется случаем «подколоть» Георгия, поинтересуется, что он подарил жене. Сам-то он Леночку по случаю дня рождения отправлял на отдых в Сочи на какой-то дорогой курорт с не менее дорогими апартаментами. Вот тогда-то и продемонстрирует Анастасия Дмитриевна шубу во всей красе: и мужа огорчит от намешек родни, и себя спасёт от гнева Георгия. Пока гости не уйдут, он её ни в чём упрекать не станет, если и поворчит немножко после, то не страшно, тем более о том, что шуба взята в кредит, она ему не скажет, а покупку сделает завтра до обеда.

На следующий день Анастасия Дмитриевна проснулась с головной болью и по звукам льющейся в ванне воды поняла, что муж встал уже давно. Так и есть: почти семь. Как же она проспала, обычно поднималась в шесть, а тут... Подниматься не хотелось, но надо поставить чайник, приготовить Георгию завтрак. Едва она попыталась встать на ноги, как вскрикнула от боли. Даже при слабом свете ночника было заметно, что ноги отекли и даже слегка покраснели. Она измерила температуру, благо градусник был рядом, в верхнем ящичке прикроватной тумбочки, до которого она смогла дотянуться без особых усилий. «Ничего себе, ещё и температура!»

– Что случилось? – муж включил верхний свет, – ты совсем бледная.

– Вот, – Анастасия Дмитриевна показала на ноги, – и температура вдобавок, знобит.

– Странно. Что же это может быть? Ты лежи, не беспокойся, я найду в поликлинику и вызову врача на дом. Тебя покормить?

– Нет, только принеси попить, – попросила она.

– Что же вы совсем себя не бережёте? – упрекала женщину врач-терапевт, пожилая невысокая женщина с добрыми карими глазами. – Не умеете отдыхать, расслабляться, весь день на ногах, наверное. Вы же, – она заглянула в карточку, – преподаватель, неужели нет возможности присаживаться время от времени? Сапоги, наверное, носите узкие и на каблук?

Анастасия Дмитриевна кивнула.

– Вот носочки у вас, посмотрите, с какими турами резинками, ведь всё это нарушает кровообращение.

– А что у меня, доктор?

– Полагаю, тромбофлебит. Я назначу вам лечение, но нужно обязательно сдать анализы и проконсультироваться с хирургом. Главное сейчас для вас – покой.

– И сколько мне придётся лежать?

– Дней пять-шесть, пока не пройдёт обострение, а потом проводить профилактику. Поправляйтесь и... для начала полюбите себя.

«Полюбить себя? Как это? Зачем? Что значит любить себя? Что имела в виду врач? Разве нас не учили обратному: сначала думать о других, а потом о себе? Впрочем, кажется, в последнее время я только о себе и думала, пытаюсь заработать на шубу, и вот что из этого вышло!» – Анастасия Дмитриевна лежала на спине и смотрела в окно. Из её горизонтального положения и с высоты третьего этажа видна была только крыша расположенной по соседству школы, от которой к ближайшему зданию тянулись два провода. Провода были белыми от инея, их слегка покачивало ветром. Что за провода? Для чего они служат? Раньше Анастасия Дмитриевна вовсе не замечала их, так же как не подозревала, что в природе существует такое заболевание, как тромбофлебит, и что она может им заболеть за несколько дней до Нового года. Она вспомнила про новогодние скидки и про то, что собиралась сегодня оформить в кредит шубу. Каким же глупым показалось ей теперь решение купить шубу. Зачем она ей?

Ноющая боль в ногах не давала покоя. Анастасия Дмитриевна поворачивалась то на один, то на другой бок, то на спину, то подгибала ноги, то клала их на подушку, а боль не стихала.

В обед пришёл Георгий с лекарствами и, судя по шуршанию пакетов, с продуктами.

– Будем лечиться, – оптимистично заявил он. – Я с работы на сегодня отпросился, сейчас приготовлю обед. Ты проголодалась, наверное?

– Нет, ничего не хочется.

– Пока не хочется, а потом захочется. Аппетит приходит во время еды. К тому же лекарства всё равно принимать нужно, так что покушать придётся, – уже строго произнёс он. – И имей в виду, что раньше чем через неделю не выпущу ни на какую работу.

Анастасия Дмитриевна только попыталась открыть рот, как он пригрозил пальцем:

– Знаю, скажешь, что зачёты, конец семестра, ничего, обойдутся без тебя. Потом примешь. Я, между прочим, разговаривал с врачом. Болезнь запускать нельзя, а то упекут в больницу. Полагаю, что перспектива встречать там Новый год тебя не очень радует? То-то же.

Первые дни Георгию даже нравилось быть в роли помощника. Он ограждал её от ненужных, по его мнению, звонков, от того, чтобы не вставала лишний раз с постели. По-видимому, муж всерьёз испугался за её здоровье. Однако со временем просьбы Анастасии Дмитриевны, которая старалась не беспокоить мужа, стали его раздражать. Женщина заметила это и пыталась справляться сама, прекрасно понимая, что этим только усугубляет заболевание. Но другого выхода не видела. К тому же при всём добром отношении к ней Георгия она знала, что он никогда не станет мыть полы или протирать пыль.

– Пропылесось, пожалуйста, сегодня палас, я завтра хочу убраться, – попросила Анастасия Дмитриевна Георгия.

– Зачем?

– Грязно же уже.

Георгий недовольно покачал головой:

– Всё тебе неймётся.

Он включил пылесос и с таким остервенением начал водить щёткой по полу, что Анастасия Дмитриевна пожалела о просьбе. Лучше бы она завтра сама как-нибудь потихоньку убралась.

– Теперь довольна? – неостывший от злости Георгий присел рядом с ней. – Сколько раз тебе было сказано: одевайся потеплее! И я говорил, и мать. На улице такая холодина, скользко. Сколько можно форсить? Не девочка уже,

103

не на персональной машине едешь. Нет, как о стенку горох.

Георгий, высказав всё, что, по-видимому, за эти дни накопело на душе, ушёл в зал. На глазах Анастасии Дмитриевны выступили слёзы, она отвернулась к стене. Женщина знала, что не пройдёт и пяти минут, как муж вернётся и попросит прощения. За столько лет совместной жизни она уже изучила его характер, а всё-таки было немножко обидно. Обидно, что заболела и обидно за свой возраст, на который ей опять намекнул муж. Обидно, что судьба обошлась с ней так несправедливо. К тому же сын не звонил уже третий день, а ведь мог бы узнать, как у неё дела, как здоровье. Или она только нужна в качестве няньки, когда ребёнок болеет?

Как и предполагала Анастасия Дмитриевна, вскоре послышались шаги возвращающегося супруга. Нагнулся, погладил по руке:

– Извини.

– Да ничего страшного, – она повернулась к нему, улыбнулась сквозь силу. – Это всё издержки производства.

– Какие издержки? – не понял Георгий.

– Ну я в том смысле, что ты привык на стройке на рабочих покрикивать, вот и на меня тоже кричишь.

– Ну разве это крик? – не согласился Георгий. – Это так, выпустил пар. И с чего ты взяла, что я кричу на рабочих?

– Не знаю, – призналась она.

– Ты не права. Я с людьми стараюсь спокойно договориться, криком делу не поможешь.

Они помолчали.

– О чём задумалась?

– Да тут один вопрос мне покоя не дает. Как ты считаешь, что значит любить себя?

– А зачем тебе это?

– Врач мне сказала, что я себя не люблю, поэтому и болею. Выходит, чтобы выздороветь, я должна себя полюбить. Так, что ли?

– Интересно. Даже не знаю, что тебе ответить?

– Ну вот ты, к примеру, себя любишь?

– Я? – Георгий растерялся. – Никогда не задумывался. Хотя ведь говорится: «Возлюби ближнего как самого себя». То есть если ты себя не любишь, не доволен собой, то в ближнем будешь тоже искать какой-нибудь изъян, а значит, станешь его осуждать. Такая картина получается. Выходит, любить себя – это принимать себя таким, какой ты есть.

– И ты себя принимаешь?

– Процентом на восемьдесят, наверное, да.

– Но, с другой стороны, это же сплошное самоуспокоение. Скажем, я чего-то не знаю и всё равно себя люблю. Что-то дурное сделала и говорю: «Я права».

– Да, вопрос непростой. А ты бы у врача спросила.

– Я бы спросила, но когда ей, сердечной, философствовать, её же другие больные ждут.

– Я думаю, тебе по данному вопросу лучше с Валерой поговорить, он тебе всё по полочкам разложит.

– Валера? – Анастасия Дмитриевна фыркнула и скривила губы. Хотя надо признать, что до недавней Валериной женитьбы она нередко вела с ним душевные разговоры, даже чаще чем с мужем, особенно когда нужно было прояснить «мужской» взгляд на какую-нибудь проблему. – Валера в последнее время другим стал. Если я задам ему подобный вопрос, он ответит что-нибудь типа: «Старость не радость, молодость не жизнь».

– Не думаю, – не согласился муж. – Помоему, ты к нему несправедлива. Мне кажется, это из-за Лены. Да?

– Нет, – попыталась отказать Анастасия Дмитриевна.

– Из-за Лены, из-за Лены, – убеждённо произнёс муж. – Конечно, Лена совсем молодая и разница у них в возрасте приличная, но она производит впечатление серьёзного человека, по крайней мере, умудрённого опытом. А ведь некоторые люди до самой старости не взрослеют. Инфантильны, не хотят брать на себя ответственность за свою жизнь, пытаются переключать её на кого угодно: на родителей, на близких и даже на самого Господа Бога. Кстати, – он поднял указательный палец, – любить себя – значит отвечать за свою жизнь. Как тебе такое решение?

– Подумаю.

– Подумай-подумай, пока время есть, – предложил муж. – Возможно, тебе и болезнь эта дана, чтобы ты о чём-то подумала, а то ведь в основном-то у тебя как? Всё бегом.

– А у тебя? – спросила она.

– И у меня тоже, – не стал отнекиваться муж.

Не дождавшись звонка от сына с невесткой, Анастасия Дмитриевна решила позвонить им са-

ма. «Данный номер не может быть вызван». Всё ясно. Телефон отключен за неуплату. Обычно Анастасия Дмитриевна платила за свой телефон и телефон молодых, а по причине болезни не успела. Георгий оплатил только за домашний. Сотовый сына, как всегда, вне зоны доступа, а невестки? Галя обрадовалась или сделала вид, что рада её звонку. У них все нормально, Виталий сегодня заплатит за телефон, завтра подключат. Услышав в трубке голос внука, Анастасия Дмитриевна воспрянула духом. Она с замиранием сердца слушала сбивчивый рассказ ребёнка о том, что завтра у них новогодний утренник, что он будет мишкой, будет играть на дудочке и плясать с другими мальчиками, тоже мишками.

– Баба, а ты придёшь ко мне?

– Нет, не смогу.

– А почему?

– Потому что болею.

– А ты выздоравливай и приходи.

Сожаление мальчика о том, что она не сможет прийти на утренник, расстроило Анастасию Дмитриевну. К тому же она уже третью неделю не видела внука. Она знала, что сын с невесткой не смогут отлучиться с работы. «Выходит, у других детей будут родители, а наш как сирота». Попросить Георгия? Наверяд ли он согласится, ещё и ей достанется в очередной раз за то, что суётся в семейные дела сына. «У внука есть родители», – напомнит ей.

* * *

Звонка от сына не было, зато позвонил Валера. Как всегда в своём репертуаре:

– Доброго здоровьечка. Что, говорят, заболела? Баба Настя к старости слаба ногами стала?

«А ты головой?» – хотела ответить она, но сдержалась.

– Ничего страшного, скоро поправлюсь, – бодро произнесла она. – А как вы? Готовитесь к Новому году?

– Нормальненько. Сидим вот, чай пьем с любимыми Лениными конфетами.

– Отдыхаете значит? Кстати, о любимых. Вот скажите мне, Валерий Владиславович, вы себя любите?

– Себя? Люблю ли я себя? – Валера долго не отвечал. Анастасия Дмитриевна даже подумала, не прервалась ли связь. – А ты чего вдруг интересуешься? Тест, что ли, какой?

– Нет, просто в газете на статью наткнулась и решила с тобой обсудить, ты же у нас человек умный? – нашлась она.

– Конечно, конечно, безу всяких сумнений, – Валера нарочно коверкал язык, когда был в приподнятом настроении.

– И на сколько же процентов ты себя любишь, умница?

– Ой, прямо-таки не знаю, что и сказать. Слушай, – нашёлся он, – я тебе сейчас дам человека одного, который любит себя на все сто.

– Это кто?

– Моя Ленуся.

Ленуся? Анастасии Дмитриевне стало жарко. Не хватало ей ещё только с Леной подобные вопросы обсуждать. Предупреждала же она Георгия, что с теперешним Валерой серьёзно поговорить невозможно.

– Добрый вечер, Анастасия Дмитриевна, – слышался Ленин голос. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, Лена, уже лучше.

– Валера сказал, что вы хотите мне какой-то вопрос задать? Если я правильно поняла, люблю ли я себя?

– Да, Лена, вы правильно поняли.

Голос Лены, спокойный, свидетельствующий о заинтересованности, располагал к откровению.

– Лена, давай на «ты»?

– Конечно-конечно, Настя. Я сама хотела предложить тебе такой вариант, но не решилась. Так какая проблема?

«Говорить, не говорить?» – женщина всё-таки сомневалась. – Ладно, расскажу в общих чертах».

– Понимаешь, Лена, так получилось, что мне пришлось поработать больше обычного. Думала, что справлюсь, а оказалось, нет. Ну врач и сказала, что я себя не жалею, не люблю. Вот я и думаю, что же такое себя любить? Как это выглядит?

– Ясно, – ответила Лена, не размышляя. – Я считаю, что очень просто. Надо себя хвалить за всё, что сделаешь. Я, к примеру, сегодня занималась генеральной уборкой. И когда навела полный порядок, позволила себе свои любимые дорогие конфеты. Я же молодец, правильно?

– А я всё время себя ругаю, виню, что чего-нибудь не предусмотрела, не учла. Спасибо, воспользуюсь вашей, извини, твоей методикой.

– Желаю удачи, только имей в виду, что это не всегда легко. Я раньше тоже находила в себе

массу недостатков, а теперь ищу только достоинства.

– Обязательно учту.

* * *

Анастасия Дмитриевна еле дождалась, когда уйдёт муж. Как только за ним закрылась дверь, она набрала номер телефона детского сада, который посещал Максим. Ещё с вечера Анастасия Дмитриевна решила пойти к внуку на утренник, но не знала, во сколько его начало, и беспокоилась, вдруг в девять, тогда она не успеет. Но, оказалось, утренник будет в одиннадцать.

Всё складывалось удачно. До детского сада она доберётся на такси, а на обратном пути зайдёт в поликлинику.

* * *

В раздевалке, казалось, не было свободных мест. Возбуждённые ребятишки, некоторые уже в костюмах, и не менее взбудораженные родители. На ближайшей к выходу скамеечке сидел плачущий мальчик. Его мама, обряжая сына в костюм Кота в сапогах, ласково приговаривала: «Ну успокойся, Костя, ты же мне обещал дома не плакать». Рядом мама девочки-«принцессы» прикалывала дочери корону.

Максимки здесь не было. Анастасия Дмитриевна заглянула в группу и увидела внука. Он был в костюме не бурого, как представляла Анастасия Дмитриевна, а белого медведя.

Узнав бабушку, Максимка подбежал к ней, обнял за колени:

– Бабушка, ты пришла! Ты посмотришь, как я буду играть на дудочке? Смотри, какой у меня костюм.

– Медвежонок ты мой, счастье моё, – Анастасия Дмитриевна поцеловала Максима. – Я сейчас поднимусь в музыкальный зал, а вы потом придёте. Ладно?

– Ладно, – легко согласился внук.

* * *

Посещение утренника вызвало у Анастасии Дмитриевны такой заряд энергии, что она не стала вызывать такси и дошла до поликлиники сама. Воспоминания детства, связанные с новогодними праздниками, посещение ёлки во Дворце пионеров всплывали в памяти. Вспомнились и утренники у сына и дочери, как готовились они к празднику, учили стихи, песни. Но, главное, что радовало её, это счастливые глаза внука от того, что к нему

на утренник тоже кто-то пришёл, что и его было кому сфотографировать, похвалить, поддержать во время выступления, а после утренника помочь переодеться. Правда, некоторых детей сразу забрали домой. Максимка тоже попросил взять его, но, узнав, что ей нужно в поликлинику, не расстроился, пообещав, что навестит бабушку завтра.

«Какая я всё-таки молодец! – начала хвалить себя Анастасия Дмитриевна, вспомнив совет Лены. – Какая я молодец! Пусть у меня и ноги болят, а я доставила радость внуку! А может, – засомневалась она, – это не я, а он доставил мне радость? Его, а не себя я должна хвалить? Но если бы я не родила сына, то и внука тоже бы не было. Значит, я молодец. Нет, ерунда сплошная получается. Настоящая истинная любовь к себе не может быть проявлена в ущерб любви к ближнему. Истинная любовь заключается именно в жертвовании собой и своими эгоистичными интересами ради любви к ближнему. Как поётся в песне про вечную любовь, которая «идёт на бой и жертвует собой». А я пожертвовала собой ради чего? Ради шубы, от которой моим близким ни тепло, ни холодно. Точнее, холодно. Тому же мужу пришлось взять на себя часть обязанностей по дому. Да, я могу купить шубу как награду за то, что я хорошая мама, бабушка, хозяйка, жена, но разве это награда? Разве не награда забота твоего мужа о тебе, благополучие сына, дочери? Не знаю, что ответила бы мне врач, но, скорее всего, её ответ был бы больше схож с Лениным, а не с моим мнением».

Пока сидела в очереди к врачу позвонила на сотовый сыну:

– Мама, извини, что не звонил, – начал он.

– Ничего, я знаю, что ты был занят, – успокоила его Анастасия Дмитриевна.

Она рассказала, как выступил Максим, как рада тому, что побывала на утреннике.

– Мама, а вы не сможете нам денег занять, я тут Максиму кресло-кровать присмотрел, а то он всё ещё спит в детской кроватке, приходится его укладывать, вытаскивать, да и он сам пытается из неё вылезать, боимся, что упадёт когда-нибудь.

– Я думала, что вы ему уже купили диван, вы же вроде собирались ещё в прошлом месяце?

– Не получилось.

– Ну хорошо, заезжай через час. Только берите сразу диван. Зачем вам кресло? Места в квартире хватает. У вас же и мать Галины иногда остаётся ночевать.

– Диван дороже.

– Помнишь, как твоя бабушка говорит? Не дороже денег. Половину суммы вернёте, а половина – наш подарок. Договорились? – без сомнений распорядилась Анастасия Дмитриевна «норковой суммой».

* * *

Анастасия Дмитриевна остановилась в ожидании лифта.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Даша.

На сей раз девушка была в скромном тёмно-синем пуховике с капюшоном, в вязаной белой шапочке.

– Как у вас дела, Даша, как праздники провели?

– Спасибо, отлично. А вас уже выписали с больничного?

– Выписали. Даже не верится, что целый месяц здесь не была.

Они зашли в пустую кабину.

– Извините, Даша, а почему вы не в своей прелестной шубке? Она вам очень идёт.

– Я её давно продала.

– Как? Я зачем же тогда покупала?

– Я её не покупала. Вы, наверное, забыли, Анастасия Дмитриевна, мне шуба досталась в

качестве приза за победу в конкурсе «Мисс города».

– Вы правы, Даша, забыла, – у Анастасии Дмитриевны отлегло от сердца. И как она могла подумать о девушке так плохо.

– Я шубу продала, продолжала рассказывать Даша, – и купила себе ноутбук, матери путёвку в профилакторий. Зачем мне шуба? Только для красоты.

– Конечно, конечно, – согласилась Анастасия Дмитриевна, – я на вашем месте поступила бы точно так же. Вы и так красивая, а главное – молодая.

– А вы старая, что ли? Наш молодой комендант Василий Михайлович, между прочим, всё о вашем здоровье справлялся, мёд для вас у меня оставил, ему племянник прислал, настоящий, гречишный. Вообще Василий Михайлович душевный человек, правда?

Она внимательно слушала словоохотливую лаборантку и кивала в знак согласия. Дашин взгляд говорил о том, что девушка понимает, как соскучилась Анастасия Дмитриевна по родному педагогическому институту и по тому спокойно-душевному состоянию, когда нет ни зависти, ни обиды, ни желания быть во что бы то ни стало в чём-то лучше других, а есть просто радость от общения и встречи с добрыми людьми.

